

Скала чистиков / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Скала чистиков / рассказ СКАЛА ЧИСТИКОВ

Наступил сезон чистиков.

С начала апреля и до конца мая, еще до приезда парижских купальщиков, на маленьком пляже Этрета внезапно появляется несколько пожилых господ в высоких сапогах и туго подпоясанных охотничьих куртках. Они проводят четыре – пять дней в гостинице Овиль, исчезают и возвращаются недели через три; затем, пожив еще несколько дней, уезжают окончательно.

На следующую весну они появляются снова.

Это последние охотники на чистиков, остатки старой гвардии; лет тридцати – сорок тому назад этих фанатиков было человек двадцать, теперь же из них осталось всего несколько заядлых стрелков.

Чистик – очень редкая перелетная птица со странными привычками. Почти весь год она живет на берегах Ньюфаундленда и островов Сен-Пьер и Микелон; но в брачный период стая этих птиц неизменно перелетает океан; они кладут яйца и выводят птенцов в одном и том же месте – на так называемой «Скале чистиков», около Этрета. Их можно найти здесь, только здесь. Они всегда прилетали сюда, на них всегда тут охотились, и, тем не менее, они снова возвращаются и будут возвращаться всегда. Как только птенцы подрастают, чистики отправляются в путь и исчезают на целый год.

Почему они никогда не прилетят еще куда-нибудь, почему не выберут другого местечка на этом однообразном белом скалистом берегу, простирающемся от Па-де-Кале до Гавра? Какая сила, какой непреодолимый инстинкт, какая вековая привычка побуждает этих птиц возвращаться сюда? С чем связан их первый прилет? Быть может, когда-то буря прибила их предков к этой скале? Но почему их дети, внуки и все дальнейшие потомки постоянно возвращаются сюда же?

Их бывает немного, самое большее сотня, словно традиция этого

ежегодного паломничества сохраняется только в одном роде.

И каждую весну, как только маленькое кочевое племя водворится на скале, в деревне появляются все те же охотники. Их знали когда-то молодыми людьми; теперь они старики, но они верны обещанию ежегодно встречаться здесь, которое дали друг другу тридцать – сорок лет назад.

Ни за что на свете они не нарушили бы его.

Случилось это однажды апрельским вечером, несколько лет тому назад. Три охотника на чистиков только что прибыли; не хватало одного – г-на д'Арнеля.

Он никому не написал, не подал о себе вести. Однако он не умер, как многие другие охотники, – об этом было бы известно. Наконец, наскучив ожиданием, прибывшие сели за стол; обед уже подходил к концу, когда во двор гостиницы въехал экипаж; вскоре запоздавший охотник вошел в комнату.

Весело потирая руки, он присел к столу, ел с большим аппетитом, а когда один из товарищей удивился, что видит его в сюртуке, он спокойно ответил:

– Да у меня не было времени переодеться.

Выйдя из-за стола, все сразу легли спать, потому что на следующий день надо было отправиться до рассвета, чтобы захватить птиц врасплох.

Что может быть чудеснее этой охоты, этой утренней прогулки?

В три часа утра матросы будят охотников, бросая в окна пригоршни песка. Через несколько минут все одеты и выходят на откос. Хотя еще темно, звезды блестят уже не так ярко; море шуршит галькой, а ветер такой свежий, что, несмотря на плотную одежду, слегка пробирает дрожь.

Вскоре две лодки, подталкиваемые матросами, быстро съезжают по усыпанному круглыми камешками откосу, слышится треск, как будто разрывают полотно, и вот они уже качаются на мелководье. Поднимают бурые паруса; они слегка надуваются, дрожат, колеблются, снова натягиваются и, округлившись, словно пузыри, уносят просмоленные скорлупки к широкому, смутно различимому в темноте выходу из порта.

Небо светлеет, сумрак словно тает; появляется линия белого

берега, отвесного, как стена, и еще окутанного дымкой.

Минуют огромный скалистый свод Манн-Порт, под которым может пройти целый корабль, огибают мыс Куртин, вот уже долина Антифер, мыс того же названия – и сразу становится виден пляж, где расположились сотни чаек. Вот и скала чистиков.

Это всего лишь небольшой уступ скалистого берега; на узких карнизах белого утеса чернеют головки птиц, которые смотрят на приближающиеся лодки.

Они сидят неподвижно, выжидают и еще не собираются улетать. Некоторые из них примостились на самом краю выступов и напоминают издали стоймя поставленные бутылки; лапки у чистиков до того коротки, что, когда эти птицы ходят, кажется, что они катятся, как игрушки на колесиках; они не могут взлететь сразу: для полета им нужно сначала камнем броситься со скалы, так что они падают почти к ногам подстерегающих их людей.

Они знают свою беспомощность, знают, как она опасна для них, и поэтому долго не решаются улететь.

Но матросы поднимают крик, стучат деревянными уключинами о борта лодок, и тогда испуганные птицы, одна за другой, бросаются вниз, в пустоту, падая почти до самых волн, а затем, быстро-быстро махая крыльями, летят в открытое море, пока свинцовый дождь не свалит их в воду.

Так их расстреливают в течение целого часа, спугивая одну за другой. Иной раз самки, сидящие на яйцах, не хотят улетать; тогда их убивают на месте; по белому камню брызжут капельки розовой крови, и птицы умирают, не покидая своих гнезд.

В первый день г-н д'Арнель охотился с обычным увлечением, но около десяти часов, когда поплыли в обратный путь под лучами высоко поднявшегося ослепительного солнца, лучи которого проникали в расщелины белых прибрежных скал, образуя большие светлые треугольники, он хмурил лоб и, против своего обыкновения, не раз глубоко задумывался.

Как только все вернулись в Этрета, какой-то человек, одетый в черное и похожий на лакея, подошел к г-ну д'Арнелю и заговорил с ним шепотом. Г-н д'Арнель, казалось, что-то обдумывал, колебался и наконец ответил:

– Нет, завтра.

На следующий день охота возобновилась. На этот раз г-н д'Арнель часто давал промах, хотя птицы падали почти у самого его дула; друзья смеялись над ним и спрашивали, не влюблен ли он, не овладело ли тайное волнение его сердцем, его рассудком?

В конце концов он признался:

– Да, верно. Мне нужно скоро уезжать, и это мне крайне досадно.

– Как, вы уезжаете? А почему?

– О, у меня неотложное дело, и я не могу оставаться дольше.

Разговор перешел на другую тему.

Как только кончили завтракать, снова появился лакей, одетый в черное. Г-н д'Арнель велел запрягать, и человек уже хотел выйти, но тут три других охотника вмешались в разговор и стали настойчиво упрасивать, убеждать своего друга остаться.

В конце концов один из них спросил:

– Но, может быть, это дело не такое уж важное, раз вы его отложили на два дня?

Охотник молчал в замешательстве, явно колеблясь между соблазном удовольствия и чувством долга; он был подавлен, огорчен и смущен.

После долгого размышления он нерешительно пробормотал:

– Дело в том, дело в том, что я здесь не один: со мной зять.

Это вызвало возгласы удивления:

– Ваш зять?... Но где же он?

Тогда г-н д'Арнель вдруг смутился и покраснел.

– Как! Вы не знаете?... Но... он в сарае. Он умер. Воцарилось изумленное молчание.

Г-н д'Арнель продолжал, все более и более смущаясь:

– Я только что имел несчастье потерять его. Я вез тело к себе в Бризвиль и сделал небольшой крюк, чтобы не пропустить нашего свидания. Но вы понимаете, нельзя же мне задерживаться дольше.

Тогда один из охотников, похрабрее других, заявил:

– Но ведь... раз уж он умер... мне кажется... он может подождать лишний день.

Оба других поддержали его.

– Конечно, конечно, – сказали они.

Г-н д'Арнель, казалось, почувствовал огромное облегчение, но, все еще немного волнуясь, спросил:

– Правда?.. Вы так думаете?

И трое его товарищей ответили в один голос:

– Конечно, дорогой мой! Двумя днями раньше или позже, для него теперь ровно ничего не значит.

Тогда, совсем успокоившись, тесть обернулся к могильщику:

– Ну, что ж, друг мой, отложим до послезавтра.

* * *

Напечатано в «Голуа» 14 апреля 1882 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Костовской. Некауáлар